

Кажанов О. А. Социокультурный метод в изучении электорального поведения: ретроспективный анализ отечественного опыта / О. А. Кажанов // Научный диалог. – 2013. – № 6 (18) : История. Социология. Этнография. – С. 163–172.

УДК 316.334.3:324

Социокультурный метод в изучении электорального поведения: ретроспективный анализ отечественного опыта

О. А. Кажанов

Рассматривается предыстория использования отечественными исследователями социокультурного метода при изучении феномена поведения российских избирателей. Показаны попытки рассмотрения мотивационной базы электорального выбора через призму стереотипов сложившейся политической культуры в период думских выборов начала XX века. Ретроспективный анализ исследований с применением данного метода позволяет автору сделать вывод о том, что как в прошлом, так и в настоящем основной акцент ученые делают на патерналистских настроениях массового избирателя, во многом определяющих специфику его голосования.

Ключевые слова: электоральное поведение; социокультурный метод; политическая культура; патернализм.

Уже более двадцати лет институт выборов в нашей стране функционирует на демократической основе, отказавшись от формальной демонстрации избирателями сплоченности господствующей партии и народа, обязательной в условиях советской тоталитарной действительности. Заимствование западной модели формирования государственной и муниципальной властей, органов местного самоуправления и адаптация этого механизма в российском обществе конца XX – начала XXI века показали, что за формальной «вестер-

низацией» этого элемента политической системы скрывается традиционная ментальность участников избирательного процесса, зачастую искажающая его работу и приносящая результаты, во многом отличные от тех, что характерны для зарубежной практики.

Это в первую очередь касается такого явления, как электоральное поведение россиян. Так, в условиях «шоковой терапии» конца прошлого века большая часть избирателей отдавала свои предпочтения не либеральным партиям, которые должны были возглавлять этот процесс, а политическим организациям, призывающим к возврату назад. На президентских выборах 1996 года решалась судьба дальнейших преобразований, что заставило действующего главу государства Б. Ельцина приложить максимум законных и, как теперь выясняется¹, незаконных усилий, чтобы одержать победу над растущей в общественном сознании популярностью лидера КПРФ Г. Зюганова. Последующая эпоха политической стабилизации и становления в российском обществе западных электоральных институтов привела к еще большим «сюрпризам». Феномен «политических преемников» превратил свободные выборы в механизм легитимации закулисной передачи верховной власти в руки очередного правителя. В условиях разгула коррупции и разрастания бюрократического аппарата управления неизменно высокий результат на парламентских выборах получает политическая организация, которая в средствах массовой информации получила неофициальное название «партия власти».

Научный анализ логики электорального выбора в современной России показывает, что использование теоретических моделей этого явления, популярных на Западе (социологической, социально-психологической, теории рационального выбора и др.), без учета специфических особенностей страны оказывается малоэффективным. Понять место и роль последних в формировании мотивационной схемы принимаемого избирателем решения позволяет достаточно

1 Имеется в виду фраза Президента Д. Медведева, сказанная им на встрече с представителями внесистемной оппозиции 20 февраля 2012 года, о том, что Б. Ельцин не был победителем на этих выборах [Иностранцы возмущаются..., 2012]. – Прим. авт.

популярный в кросскультурных политологических исследованиях социокультурный подход. Тезисно его можно сформулировать так: выбор избирателя осуществляется под воздействием ценностей и норм политической культуры сообщества, к которому он принадлежит [Страхов, 2000, с. 91].

Одной из последних серьезных научных работ, написанных в этом направлении, является монография В. Федорова [Федоров, 2010]. Автор связывает изменения в электоральном поведении российских избирателей не только с изменениями в социально-экономической структуре общества, но и со сменой социокультурной парадигмы страны. Смена культурных кодов лежала в основе своеобразного круга, который совершила отечественная политическая история за последние сто лет: уйдя от советской политической модели, которая в своих базовых архетипических чертах копировала модель Российской империи, страна прошла через период вполне анархической вольницы, этого всероссийского «гуляй-поля», и вернулась к державнической, государственнической культурной модели [Федоров, 2010, с. 14]. В мотивационной схеме электорального выбора россиян возник запрос на усиление роли государства в ключевых областях общественной жизни, и стали проявляться патерналистские настроения, что привело к консолидации провластного электората и ослаблению позиций оппозиционных сил. Слабость гражданского общества, отсутствие популярных политиков за пределами властвующей элиты определили высокий рейтинг безальтернативности в сознании массового избирателя. Персонифицированность русской власти, как характерная черта национального менталитета, получила свое развитие в современной отечественной электоральной практике, снизив накал политических страстей и сделав президентские и парламентские избирательные кампании в целом предсказуемыми.

Нельзя не согласиться с В. Федоровым в том, что культурный фактор играет значительную, а иногда и определяющую роль в периоды революционных трансформаций общества. Однако вызывает сомнение его тезис о том, что электоральное поведение россиян

впервые появилось как феномен на заре перестройки, а этап конституционного развития страны в досоветский период столь короток, что не имеет большой ценности как объект политологического исследования.

Введение института народного представительства и первые попытки его формирования, несмотря на малый срок и незавершенность процесса, не только выявили феномен электорального поведения россиян, но и поставили вопрос (пускай и в рамках политической публицистики) о специфике его проявления. Одним из методов решения этого вопроса стал *социокультурный подход*, который позволил определить влияние культурных архетипов на формирование мотивационной основы выбора избирателя в условиях полной политической неопытности. Среди тех, кто использовал данный подход в исследовательских целях, можно выделить либеральных публицистов П. Милюкова (1859–1943) и А. Изгоева (1872–1935). Анализируя отношение крестьянства – самой массовой части избирательного корпуса – к выборам в I и II Государственные Думы (1906–1907 гг.), а также к их роспуску самодержавной властью, эти авторы пришли к выводу о доминирующей роли патернализма в процессе формирования мотивационной составляющей электорального выбора земледельцев.

Одним из культурных стереотипов, определявших «перепады» поведения массового избирателя (от активного участия в избирательных кампаниях до полного индифферентизма в случаях разгона парламента самодержавной властью), являлся феномен персонификации государственной власти. Общественное сознание мифологизировало фигуру главы государства (в данном случае – абсолютного монарха). По мнению избирателей, в его руках концентрировалась возможность решения актуальных социально-экономических и политических проблем. «Хозяин земли русской» не воспринимался как представитель господствующих классов в стране, а рассматривался как нейтральный арбитр в политической борьбе государственной бюрократии и широких народных масс, требовавших «земли и воли». «Царь, как символ единого государства и высшей

политической правды и справедливости; чиновники, скрывающие от царя правду о народе; наконец, народ, веками стремившийся проломить это “средостение”, дойти до самого источника власти, – писал П. Милюков, – таковы чуть ли не с XVI столетия основные политические идеи крестьянской массы» [Милюков, 1907, с. 373]. Патерналистское восприятие власти крестьянством складывалось столетиями и выражалось в движении «ходовков», целью которых было донести до царя «нужды и печали» пославшего их крестьянского сообщества. Вера в доброго «батюшку-царя» определяла электоральное поведение крестьянства в условиях первой русской революции.

Не менее специфичным был взгляд крестьянства на зарубежные инновации, вводимые государственной властью в процессе политической модернизации страны. По мнению А. Изгоева, для самих правящих кругов заимствования того, чего нет в русской жизни, носили функциональный, а не субстанциональный характер. «Самодержавное правительство <...> заимствовало у Европы, – отмечал публицист, – все, что ему нужно было для усиления своего материального могущества, для укрепления самодержавия» [цит. по: Пивоваров, 2006, с. 116]. Таким же прагматичным было и отношение крестьянства к введению в стране института народного представительства. «Несомненно, участвуя в выборах в государственную думу, – подчеркивал П. Милюков, – очень большое количество избирателей держалось тех же старинных понятий и до сих пор еще видит в своем депутате – прежнего ходока, который пойдет к самому царю и прямо от него принесет домой все, что нужно народу» [Милюков, 1907, с. 373].

Анализируя влияние политической культуры на отношение народных масс к новому органу власти, А. Изгоев отмечает роль самодержавия в формировании стереотипов, определявших это отношение. Публицист указывает, что оно приучило население «ждать всего от внешней физической силы» [Изгоев, 1910, с. 20]. В случае если Государственная Дума как «коллективный ходок» оказывалась неспособной выполнить возложенную на нее задачу, интерес к ее

деятельности уступал место равнодушию, что позволяло самодержавной власти разгонять законно избранное народное представительство, кардинально изменять электоральное законодательство в пользу господствующих классов.

Необходимо отметить и тот факт, что в начале XX века появились и первые кросскультурные политологические исследования, связанные с использованием социокультурного подхода. Так, сравнительный анализ крестьянских наказов высшим органам государственной власти в предреволюционной Франции 1789 года и аналогичных посланий выборщикам и думским депутатам в России 1906 года позволил исследователям установить факт господства патерналистских настроений в народной среде по отношению к монархической власти [Васильев, 1906, с. 27].

Патерналистская мотивация электорального выбора была присуща не только «темной» крестьянской массе, но и городскому мещанству, принимавшему участие в выборах. Более того, как считает А. Изгоев, эта мировоззренческая схема использовалась и частью русской интеллигенции, верившей в то, что «Дума все может» [Изгоев, 1910, с. 21].

Тот факт, что восприятие института народного представительства российским электоратом в большинстве случаев шло не в русле западной либеральной концепции разделения властей, а основывалось на мифологической картине властных отношений как некоего поединка сил добра и зла, справедливости и несправедливости, победителя в которой определяет стоящая вне политической борьбы «высшая монаршья воля», определяет сравнительный анализ итогов четырех думских избирательных кампаний (1906–1912).

Изучая результаты голосования по различным куриям, российские исследователи И. Кирьянов и М. Лукьянов отмечали следующие тенденции. Если на первых выборах число беспартийных выборщиков среди крестьян составляло 79,7 %, а на вторых 59,1 % составили представители оппозиции (левые – 28,8 %, прогрессисты – 25,9 %, кадеты – 4,4 %), то в сентябре 1907 года число умеренных

и правых достигло 42,6 %. Еще активнее процесс смещения политических ориентаций шел в землевладельческой курии, включавшей в себя крупных и мелких землевладельцев, представителей духовенства и т. д. Если на первых выборах кадетам удалось провести 22,6 % , а октябристам – 48,5 % выборщиков на губернские избирательные собрания, то третья избирательная кампания свидетельствовала о резкой смене приоритетов (кадеты – 5,4 %, октябристы – 77,3 %). Устойчивой популярностью у городской демократии пользовалась партия кадетов. В составе выборщиков в период разных избирательных кампаний ее выдвиженцы составляли до 40 %. Избирательный закон от 3 июня 1907 года внес свои коррективы в сложившуюся ситуацию, разделив избирателей города на две курии. В составе первой преобладала крупная торгово-промышленная буржуазия, которая поддерживала консервативные политические силы. На выборах в III Государственную Думу 43,2 % выборщиков по этой курии представляли октябристско-консервативный блок. Рабочие, как правило, избирали левый состав выборщиков на губернские собрания. Однако их электоральная активность постепенно снижалась. Даже в январе 1907 года в случае самого массового участия рабочих в выборах правом голоса при избрании уполномоченных воспользовались от 24 до 33 % избирателей. Фиксируя всплеск и спад общественного интереса к парламентским выборам дореволюционной России начала XX века, И. Кирьянов и М. Лукьянов пришли к следующим выводам: «Изнывая в атмосфере умирающего старого режима, общество всколыхнулось надеждами, связанными с Государственной Думой, которая представлялась учреждением, способным сотворить чудо, и причем в кратчайшие сроки» [Кирьянов, 1995, с.75-76].

Российские аналитики начала XX века хорошо понимали невозможность одномоментного изменения в стране массового политического сознания, резко отличавшегося от зарубежных демократических моделей. «Нужен продолжительный личный, сознательный опыт, нужны годы открытой общественной жизни, – указывал А. Изгоев, – чтобы эти мифические представления пере-

работались в культурные» [Изгоев, 1907, с. 208]. Высказывались предположения о возможности трансформации сложившихся культурных стереотипов в мировоззренческие установки западного типа. Так, П. Милуков, сторонник установления в стране парламентской монархии, мечтал о том времени, когда традиционные самодержавные ориентации крестьянства перерастут в нечто, напоминающее английский лозунг «Монарх царствует, но не управляет!». «Трудно сказать, – писал он в 1906 году, – к какой форме приведет русский политический опыт: но, нам кажется, и в России, каковы бы ни оказались случайности исторических событий, старинная народная лояльность вынесет из них идею царя, связанной с идеей народного представительства» [Милуков, 1907, с. 375].

Таким образом, в среде исследователей интерес к социокультурному анализу механизма электорального выбора проявил себя задолго до становления института демократических выборов в современной России. Предшественники сегодняшних электоральных социологов и политологов хорошо понимали роль культурных кодов в формировании мотивационной базы поведения избирателей, объясняя его особенности воздействием политических стереотипов, складывавшихся веками в массовом политическом сознании конкретного социума. Думский электоральный опыт начала XX века во многом определялся мифологическими представлениями о структуре российской политической власти, одним из которых была идея *патернализма*, столь актуальная для российского политического сознания и в настоящее время. В то же время исторический опыт не оправдал надежд либеральной публицистики дореволюционной России о трансформации отечественной политической культуры в направлении западной демократической модели. Персонифицированное восприятие государственной власти, призванной осуществлять «отеческую заботу» о социальных слоях и группах, нуждающихся в защите и поддержке, во многом остается приоритетным для электорального выбора большей части современных россиян – избирателей.

Литература

1. *Васильев А. А.* Крестьянские наказания Самарской губернии : (Опыт собирания материалов русской революции) / А. А. Васильев, В. А. Кудрявцев. – Самара : Типография А. Н. Хардина, 1906. – 88 с.
2. *Изгоев А.* Перед третьей Думой / А. Изгоев // Русская мысль. – 1907. – С. 206–219.
3. *Изгоев А.* Русское общество и революция / А. Изгоев. – Москва : Журн. «Русская мысль», 1910. – 273 с.
4. *Иностранцы* возмущаются : Медведев признал, что Ельцин в 1996-м не победил, а все молчат [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://newsru.com/world/24feb2012/time.html>.
5. *Кириянов И. К.* Парламент самодержавной России : Государственная Дума и ее депутаты 1906–1917 / И. К. Кириянов, М. Н. Лукьянов. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 168 с.
6. *Милуков П.* Год борьбы : публицистическая хроника 1905–1906 / П. Милуков. – Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Общественная польза», 1907. – 550 с.
7. *Пивоваров Ю. С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношениях / Ю. С. Пивоваров. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 168 с.
8. *Страхов А. П.* Изучение электорального поведения россиян : социокультурный подход / А. П. Страхов // Политические исследования. – 2000. – № 3. – С. 90–96.
9. *Федоров В.* Русский выбор : введение в теорию электорального поведения россиян / В. Федоров. – Москва : Праксис, 2010. – 384 с. – (Серия «Образ общества»).

© Кажанов О. А., 2013

Sociocultural Method in Electoral Behavior Study: Retrospective Analysis of Russian Experience

O. Kazhanov

The article covers the history of local researchers' using the sociocultural method to study the Russian voters'

behavior phenomenon. It also shows the attempts to view the motivational base of the electoral choice through the prism of the existing political culture stereotypes during the Duma elections in the early 20th century. The retrospective analysis of the studies using this method allows the author to conclude that in the past as well as in the present scientists emphasize mainly the grassroots voters' paternalistic attitude, which largely determines their voting peculiarity.

Key words: electoral behavior; sociocultural method; political culture; paternalism.

Кажанов Олег Александрович, кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии, Смоленский государственный университет (Смоленск), kazhanov@bk.ru.

Kazhanov, O., PhD in Philosophy, associate professor, Department of Sociology, Smolensk State University (Smolensk), kazhanov@bk.ru.